

Пашке Зуеву на работе дали премию. Как сказали, за ударный труд. Целых полторы тысячи. Вообще, дикость какая-то: чтобы в наше время, в каком-нибудь кооперативном шараш-монтаже давали премии – где это видано? Зарплату-то дают с задержками и ноют, что хреново работаете -- а тут премия! Не Почётная Грамота, не фотография на Доску почёта, не сказочный вымпел из бронзы и стали или какое другое хавно, а премия! Денежки! Целых полторы тысячи! Или мы всё-таки идём к победе коммунистического труда? Пусть не сплошным косяком и не сплочёнными рядами, пусть в отдельных случаях и даже поодиночке, но идём? Движемся, так сказать, к нашему просветлённому будущему? Хоть перебежками, хоть буераками, но движемся?

Пашка, понятно, обрадовался. А чего не радоваться? Полторы «штуки» как с куста! Не знал - не гадал! Любой обрадуется! Любой оживится!

Прекраснодушное настроение не оставило его и после рабочей смены. По пути домой он привычно зашёл в «Тополёк». На этот раз взял не обычной «палёнки», а двести граммов настоящей «Кубанской» (гулять так гулять!), литровую кружку «Тёмного» (семьдесят пять рублей!) и на закуску – винегрет и бутерброд с селёдкой. Хотел взять ещё разогретый беляш, но время одёрнул себя: радость радостью, но, как говорится, могут быть и дети. Так что не надо так вот уж совсем-то уж расслабляться. Надо всё-таки хоть слегка, но побдеть.

Употребил заказанное с совершеннейшей культурностью. Из «Тополька» завернул в гатроном, купил там килограммовую пачку пельменей «Богатырские», банку хрена, батон, поллитру и пошёл домой (теперь уже именно домой. Без всяких отклонений от маршрута и заходов на сторону). На скамейке у подъезда увидел соседа Махоркина. Рожа у Махоркина

был такой выразительной, что не требовалось ничего спрашивать. Потому что всё было написано на его махоркиновской роже. Вся суета жизни и брэнность бытия. Как говорится, ноу комментс.

Пашка небрежным движением достал из кармана две сотенные купюры, протянул страдальцу.

-- Освежаемся, мужчина!

Глаза у Махоркина округлились и полезли на лоб.

-- Ты чего, Пашк?- спросил он почему-то шёпотом. Пашка пожал плечами:

- Ничего. Я же вижу: страдаешь. Требуется лечение. Вот и...

-- Зарплату, что ли, получил? – никак не мог въехать в тему Махоркин.

Пашка снисходительно ухмыльнулся.

-- Я ж тебе сколько раз говорил: зарплата у нас пятого.

-- Аванс?

-- Авансов теперь нет. Авансы теперь отменили. Не при эсэсэре живём.

-- Тогда чего?

Пашке вдруг стало скучно с этим недоверчивым дятлом.

-- Да ничего! Тебе денег надо? Надо?

Махоркин облизнул губы и затравленно кивнул.

-- Ну, вот и иди.

-- Куда?

-- Тащить верблюда. В «Тополёк».

-- Там дорого.

Пашка поморщился. Ох, уж мне эти фраера! Как же они утомляют своей детской непосредственностью!

-- Да освежись ты хоть раз в жизни по человечески,-- посоветовал он и подумал: как же приятно советовать, когда сам с деньгами!

-- «Кубанской» себе возьми полторашечку. Пивка вкусного. Закусить по-серьёзному, а не конфеткой.

Махоркин смтрел на него по-прежнему недоверчиво, выискивая в его словах и поступке какую-то скрытую подлянку. И на самом деле начнёшь выискивать: ни с того, ни с сего подарил две сотни! Когда это было-то чтобы просто так, за спасибо, деньги дарили? Или он в долг даёт? Ну, конечно! Как это он сразу-то не догадался! В долг, ёшкин кот!

-- Только мне отдавать нечем, -- признался честно. – Сам знаешь: третий месяц Нюрка кормит.

-- А я с тебя спрашиваю, чтобы отдал? – ответил Пешка всё с той же снисходительной то ли улыбкой, то ли ухмылкой.

-- Ты же в долг даёшь? – с замиранием сердца и тайной надеждой, что не в долг, спросил Махоркин.

В ответ Павшка махнул рукой: в какой в долг! Сам же говоришь, что у бабы на шее сидишь третий месяц! С неё, что ли, спрашивать? Ты, Петь, совсем, что ли, оху... умом повредился?

Так и оставив умного соседа в состоянии небывалого недоумения, Пашка пришёл к себе в квартиру, достал из холодильника кастрюлю со щами.

Похлебал прямо из кастрюли (поллитру открывать не стал. Успеет ещё. Ещё не вечер), прошёл в комнату, включил телевизор и улёгся перед ним на диван. По телевизору шла его любимая передача – «Давай поженимся». Бабу, что ли, завести, подумал он, засыпая. Чтоб постоянную. Чтоб по-серьёзному. Чтобы она ему щи варила и с работы его радостно встречала. А он ей с каждой премии (Пашке почему-то захотелось думать, что эта премия -- не последняя. Что они, эти премии, только начинаются) подарки покупал. Например, кило пряников. Или платочек какой-нибудь. Или одеколон «Шипр». Или даже духи. Какую-нибудь «шанель номер пять». А? С премии-то сам Бог велел! А потом они смогут даже потанцевать. Какой-нибудь вальс-бостон. Он же неплохо танцует. Даже в кружке при Доме детского и юношеского творчества занимался. Пока не выперли. Нет, всё-таки какая прелестная у него теперь начинается жизнь! Слаще сладкого! Лишь бы не потерять! Лишь бы не разочароваться...

